

Лиля Каттен

Убивая любовь
ИЗМЕНА

Ли́ла Катте́н
Измeна. Убивая любовь
Серия «Измeны», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69335677

SelfPub; 2023

Аннотация

Я провела ночь в больнице, а вернувшись обнаружила мужа в нашей постели с другой. Всему казалось есть объяснение... Но как доказать сердцу, что это не то, чем казалось с самого начала... Как довериться вновь мужчине, что был для меня всем на протяжении многих лет? Как не позволить умереть любви, если её жестоко убивают?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Глава 2	23
Глава 3	34
Глава 4	48
Глава 5	61
Глава 6	72
Глава 7	81
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Ли́ла Катте́н

И́змена. Уби́вая лю́бовь

Про́лог

Ма́йя

Десять вечера. А его нет.

Выглядываю из окна квартиры второго этажа надеясь увидеть машину мужа, но тщетно. На звонки тоже не отвечает.

Уже начинает болеть голова от нервов. И живот крутит что-то.

Выпиваю таблетку обезболивающего и продолжаю ждать, включив телевизор в гостиной.

Быть женой полицейского слишком волнительно и тревожно. Порой просто не знаешь, что там завтра. Жизнь, итак, преподносит разного рода сюрпризы. Но когда твой муж служителю закона балансирующий ежедневно на краю пропасти, это не радует на самом деле. Но ты его жена. Ты его опора. Лучший друг и верное плечо, ждущее дома.

У нас бывает сложно со взаимопониманием. Последнее время стресс у обоих сказывается на отношениях, но мы держимся. Мы любим...

К одиннадцати живот уже вместе с поясницей дают о себе знать.

– Не удивительно, – выпрямляю ноги, – скрючилась и лежу.

Кладу подушку ниже и накинув на себя плед закрываю глаза. Только состояние явно далекое от нормального беспокоит, как и прежде.

На телефон приходит смс, и я тут же дергаюсь к нему, но это от свекрови:

«Добрый вечер, Майя. А где Илюша, что-то трубку не берет.»

– Надо же, даже по имени назвала, – нервно открываю поле для ввода ответа. – Если бы знала я сама, где Илюша.

«Добрый вечер, Антонина Степановна. Илюша еще на работе. Вроде бы «корпоратив» у них. Обещал вернуться», – отправляю и тут же падаю обратно на подушку.

У нас с ней не самые хорошие отношения. Но порой накатывает. У нее вечные претензии к нашему дому и прочим делам касаясь ее сына. То я плохо стираю, то плохо готовлю, то не могу родить.

Последнее и между нами стало частым поводом для разговоров на повышенных тонах. Принимая гормоны, я, конечно, изменилась не только внешне, но полагаю, что это в том числе не устраивает моего мужа в добавок к моим нервам. Только кому ты объяснишь, что так бывает, если хочешь завести ребенка?

Сегодня снова поссорились из-за корпоратива чертового. Итогом стало это ожидание. Свекровь снова что-то пишет, но я чувствую, что мои штаны с трусами начинают намочить, после очередной болевой вспышки.

– Месячные, блин, – вспоминаю я.

Бегу в ванную и начинаю переодеваться, но количество крови слишком большое и меня это пугает.

Телефон пробивает тишину звонком, испугав в край. Даже не заметила, как взяла его с собой.

– Алло?

– Майя, я тебе там пишу...

– Антонина Степановна, у меня кровь... Много ее... – трясущимся голосом произношу, смотря как вода в унитазе стала полностью бардовой.

– О господи, – восклицает и слышу, как ходит по комнате. – Я сейчас приду к тебе. Слышишь? А ты давай соберись, в больницу поедем.

– Хорошо, – убираю мобильный и начинаю приходить в себя.

Впервые я была действительно рада, что свекровь живет близко. В соседней многоэтажке, поэтому пришла быстро. Вызвала такси и уже ждала меня.

Боли не прекращались, как и кровотечение.

Пока ехали в больницу, молчали. Мне было даже страшно вопросы задавать, ведь становилось ясно, что происходит в данную секунду.

Врачи не церемонились. Называли вещи своими именами не щадя, не скупясь на правду, которая очень больно делала на самом деле.

Выкидыш. Первая беременность за пять лет попыток, о которой я даже не успела узнать, как это обычно происходит и сразу потеря.

– А вы уверены, что он произошел? Быть может, еще можно...

– Можно что? – она посмотрела так холодно, видимо, потому что разбудила ее своей проблемой. – Выкидыш, что тут непонятного?

– Не говорите так со мной. Вы врач, а я пациентка. Я пришла к вам в больницу за помощью, а не домой с требованием дверь открыть и в долг денег попросить.

– Да у меня таких...

– Вы здесь, чтобы помогать людям, а не добивать женщин, которые только что потеряли возможность стать матерью. Как вы смеете себе такое позволять?

Не передать словами, как сильно меня злило вот такое отношение, но я со слезами говорила все, что думала.

Каким-то чудом я забеременела и вот тебе результат.

– Извините, – вдруг произнесла врач. – Я вторые сутки в больнице и устала.

Открыла глаза и просто кивнула.

– Я оставлю вас на ночь в палате. Утром сделаем повторное УЗИ. Но... – она замялась. – Но выкидыш, к сожалению,

произошел.

– Я поняла.

Встала с кушетки и медленно пошла в палату номер три. Написала свекрови, что остаюсь на ночь и еще раз набрав мужа уснула, не получив ответ.

Утром УЗИ не показало ничего нового.

– Мне жаль.

– Спасибо.

Вышла из кабинета и тут же на меня налетела мать Ильи с заботами и вопросами о самочувствии.

– Все в порядке.

Сегодня, кажется, она впервые не думала ни о чем другом кроме меня. Я была уверена, что она первым делом спросит была ли потеря малыша, но ее волновала только я сама.

Сели в такси и поехали домой. Пустой телефон невероятно раздражал. Я надеялась на то, что утром меня будут ждать смс и звонки от него, но нет.

– Давай помогу тебе. Аккуратно, Майечка.

– Я могу идти сама.

– Не нужно геройствовать. Пошли, – взяла за руку и обняла другой меня, помогая подниматься по лестнице.

Открыла дверь квартиры и чуть не упала на пороге, споткнувшись о туфли на каблуке размером с мою голову и такой же платформой. Рядом валялись туфли мужа. Со сбитыми «носами», которые я прошлым утром сама начищала, отправляя его на работу.

– Ой, Илюша дома, – запричитала свекровь быстро убегая вперед меня.

Постояла посмотрела на две пары обуви и сняв свои в сторонке пошла на кухню, заметив, что мать мужа ушла прямоком в спальню.

Не было предчувствий или мыслей, что я уже точно знаю, что там происходит. Я просто не торопилась. У меня болели живот и спина. А эмоционально я была убита.

Выпила стакан воды и набрав еще один пошла в известном направлении.

Услышала голос свекрови, но что она могла сейчас исправить, если я уже стояла на пороге спальни?

Двое людей. Мужчина. Женщина. Мой муж и посторонняя незнакомка. Голые.

– Мама, ну что ты... Зачем утром пришла? Мы спим, – отмахнулся Илья от рук матери, не открыв глаз. А после обнял за талию девушку, прижал ее к себе спиной, как обычно, делал со мной.

– А ну вставай бесстыдник, – уже громче закричала женщина.

– Бли-ин, – схватила за голову девчонка и начала садиться. – Голова болит, – захныкала и посмотрела на нас. – Вы кто?

– Кого ты там с собой притащила, мама? – Илья наконец стал просыпаться.

Не знаю почему я молчала. Я была сравнима с выжжен-

ным полем. Обугленная, но с торчащими колосками недавнего урожая.

Муж сел, даже не заметив, что без трусов, и что перед ним три женщины. И только протерев лицо руками открыл глаза, которые по мере увиденного открывались все больше.

– Майя? – посмотрел на меня. – Мама? – прошелся взглядом по матери и повернул голову в сторону стонущей девушки, прикрывающей свои достоинства. – А ты кто?

И тут меня прорвало. Я схватилась за больной живой и начала смеяться и плакать. Громко. Больно. Отвратительно.

– Ну вот, Антонина Степановна, а вы за Илюшу переживали полночи. Видите, жив здоров, активно сношается. И внуков принесет о которых вы так меня просили, решив, что я капризно не беременею вам назло. Не заскучаете, – погладила ее по плечу и вышла из комнаты.

– Майя, стой... – услышала окрик мужа, который через секунду прибежал за мной, собирающей свои документы в сумочку.

– Ты что-то хотел? – смотрю на то, как он держит полотенце, прикрывая пах, а мне мерзко до ужаса.

– Послушай, это все хрень какая-то. Я ее не знаю, – и так искренне смотрит на меня, что поверила бы, не зная в чем кается изменщик и то, что видела сама.

– Ну так познакомься, Иль. Я ж не сваха, – пытаюсь пройти мимо, но он останавливает.

– Слушай, я клянусь не знаю ее. Я... черт... – схватился

за челку и пару раз дернул ее.

– Знаешь или нет, ты голый, как и она. Полагаю, что пока меня не было вы успели посмотреть марки из коллекции твоего отца, сыграть в шашки, чайку выпить, а потом разделись и спать легли. Ничего не перепутала?

– Да прекрати...

– А ну давай, проститутка такая... Шляется по женатым мужчинам, – услышала крики свекрови и выбегающую девушку в мини из нашей спальни.

– Да как вы смеете? – что-то пытается ответить, не зная эту женщину, которая за словом в карман не лезет.

– Смею, еще как смею. Бесстыдница.

– Боже, мама, – Илья запрокидывает голову, а я, пользуясь моментом все жедвигаюсь из коридора в гостиную.

– Ну погоди, Май, куда ты? Давай поговорим?

– Илья, ты в своем уме? Стоишь передо мной голый, твоя ночная забава еще даже не вышла из квартиры, а ты мне о разговорах? Не хочу я с тобой говорить, ясно? Поэтому с дороги уйди, я хочу быть подальше отсюда. Тут воняет вами обоими на всю квартиру.

– Как ты мог, Илья? – подходит свекровь.

– Мама, и ты туда же, – срывается.

– Еще и кричит на мать. Пошли Майечка. Пошли, – берет за руку и уводит меня, за что я ей благодарна очень.

– Стой, я не понял, – вдруг серьезным голосом останавливает все действия, и мы вместе с его мамой смотрим на него

в ожидании того, что он скажет. – А ты где была всю ночь, если только что вернулась?

Его вопрос приносит четкое видение ситуации: пока я ждала его, потом кровью тут истекала, теряя нашего первого малыша, он шлялся с девицей, изменял мне и притащил ее в нашу кровать.

– Да пошел ты, Островской, – разворачиваюсь и ухожу, захлопнув громко дверь.

Глава 1

До событий пролога

– Снова ничего, – выхожу из туалета расстроенная.

Смотрю на Илью, который кажется немного раздраженным сидя в кресле с телефоном в руках, но смотрит на меня пристально.

– Что? – останавливаюсь в центре гостиной.

– Ты не устала? – убирает гаджет на столик рядом и складывает руки на груди, скрещивая их.

– От чего?

– От этого, Май. Каждый месяц одно и тоже, – встает на ноги и начинает ходить по комнате.

– То есть мне отказаться от мысли забеременеть? – в непонятках просто тычу наугад, потому что реально не понимаю претензий его. – Мне тридцать, Иль. Мне не двадцать, улавливаешь? Время идет вперед, а не назад.

– Улавливаю, что ты становишься повернутой на этой проблеме, – поднимает голос.

– А назвать иначе не можешь? Как насчет того, чтобы сказать, что я пытаюсь решить эту проблему? Причем общую.

– Я уже даже не знаю, хочу ли я детей, – огорошивает своим заявлением.

– Ты... – теряю способность говорить, потому что это больно.

Смотрю на него и не придумав ничего лучше просто в слезах ухожу в спальню, запираясь изнутри.

Мы женаты восемь лет. Пять из них я пытаюсь забеременеть. Сначала первый год все казалось не таким серьезным. У всех пар ведь такое бывает. Потом пошел второй год, и тема перестала обговариваться с улыбкой. Потом пошли кабинеты врачей и кучи анализов. Нервы.

Мне назначили гормоны, от которых фигура изменилась в худшую сторону. Появился лишний вес, но не столь критичный, однако для моего психологического и морального состояния не шло в плюс.

Все попытки оказывались провальными и мои тесты все время были отрицательными.

И вот на сложном пути к материнству, я слышу его слова вместо поддержки.

Падаю на кровать и плачу. Чувствую свое бессилие и пустоту, которая давит меня тем, что я неполноценная, раз с дефектом каким-то оказалась. Еще мать Ильи постоянно намекает на это. А он вот так просто говорит, что не хочет больше детей?

– Малыш, прости, – слышу его голос за дверью. Но я молчу, потому что не хочу говорить, потому что он не понимает моей обиды от его слов, от самой ситуации и тому, что я банально боюсь. Боюсь, что это не поправимо, что он найдет

другой способ стать отцом выставив меня за дверь. – Май, открой дверь?

Просит, хотя знаю, что мог бы легко сюда войти, если бы пожелал выломать дверь или взломать замок.

– Уходи. Я хочу побыть одна немного.

– Я не всерьез говорил, – продолжает через небольшую паузу. – И вовсе так не считаю. Просто я тоже на эмоциях, когда вижу в таком состоянии тебя.

– Ну, конечно. Видит он. И вместо поддержки добиваешь. Спасибо тебе.

– Майя, – знаю, что злится. Для него самое сложное говорить не глаза в глаза.

Почему-то ему важно серьезные темы обсуждать смотря прямо на меня. Видимо издержки его профессии.

– Выйди и поговорим обо всем, малыш, – голос уже более мягкий, но он задел меня слишком глубоко сейчас.

– Нет. Пойди погуляй. А я тут полежу.

Мы оба очень упрямые. Оба быстро заводимся и так же быстро отходим. Но порой именно Илья не видит границ в своей прямоте. Он забывает, что не на службе, что я женщина, что я жена. Говорит вот, как сейчас, а потом уже думает. А я так хочу, чтобы он сначала думал... обо мне думал, о моих чувствах, которые иногда задевает больно.

Он очень нежный мужчина, хотя по нему не скажешь этого на первый взгляд. Он ласковый и страстный одновременно. Это мне безумно нравится. Но насколько он нежен, на-

столько бывает жесток. И мне жаль, что он часто не видит этих границ.

Наше знакомство не было простым и банальным. Прежде чем встретить мужа, я почти попала в рабский кошмар, который мог стоить мне тела и души, даже жизни. И я никогда не забуду его доброты. Его благородства.

Как я могла не влюбиться в него? Как я могла не отдать такому мужчине сердце?

Мне было двадцать лет. В поселке, в котором я выросла мало перспектив «выбиться в люди» – как говорят у нас. Каждый это понимает и при любом случае удачном быстрее убегает подальше. Необязательно в столицу, главное, чтобы там, в другом месте, было с чего начинать.

Мы с Ларисой, моей одноклассницей, имели свои мечты. Родители, злоупотребляющие алкоголем, не стали помехой. И в итоге мы за своей мечтой рванули сразу после техникума.

Высокий рост, красивое лицо с яркими серо-зелеными глазами и пухлыми губами, почти идеальные 90-60-90. Конечно, мы грезили тем, чтобы стать моделями и сиять на обложках журналов, которые сами покупали иногда.

Год проработали с ней в одной кафешке и накопив немного, решились на фотосессию. Отправили фотки в несколько не самых популярных агентств и ждали.

Ждать пришлось долго. Уже и забыли о том, что анкеты заполняли. Как вдруг нас пригласили на кастинг. Обеих. Она натуральная блондинка, а я натуральная брюнетка.

Счастья было много. Кастинг прошли. Были названы дата и время, перечень документов.

Мы тогда мало осознавали, каким отвратительным бывает сыр в мышеловке для глупых девчонок вроде нас. Но приехали на место и поплатились.

Отобранные документы, избитые в кровь. Нас поместили в разные комнаты через стенку.

Оставался только дикий страх внутри. Даже боль не ощущалась такой сильной, как мысль о том, что это конец. И выбраться из такого кошмара не представится возможным.

Краткие провалы в сон от усталости и новые крики. По воплям стонущих девушек мы поняли, что нас уже не двое там, наивных дурочек попавших в плен своих желаний о красивой жизни, а гораздо больше.

Сколько времени мы там пробыли сложно сказать. В комнатах не было окон.

Матрас и ведро.

Минимум еды.

Когда за нами пришли, сил не было вообще. На сопротивления и попытки просто отмахнуться ушли последние. В итоге нас всех посадили в длинный грузовик или фуру, не знаю, и мы долго ехали почти в кромешной темноте. Дорога изнуряла. Жара на улице и внутри кузова доводила до обморока девушек. Порой казалось, что не хватало воздуха на всех. Выданные каждой бутылки воды давно были опустошены и начиналось обезвоживание.

Остановились мы только когда на улице была ночь. Судя по тому, что в щели больше не поступал солнечный свет.

Кто-то стал просить воды и кушать, но большая часть девушек молчала. Я стала звать подругу, но она не откликнулась ни разу, а через время мы услышали полицейскую сирену и выстрелы.

Их было много. Пули попадали и в наш грузовик. Девушки кричали. А я закрыла уши и старалась слиться с грязным полом. Лежала там и молилась о том, чтобы спасли, чтобы не убили никого. Но запах в помещении стал меняться. В нем стала прибавляться примесь металла, который вызывал тошноту.

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста... – шептала и шептала, пока все не прекратилось.

Но пошевелиться было страшней.

Кто-то открыл двери и холодный воздух быстро сменил душный и вонючий, которым дышали мы. Но как много тех, кто еще дышал осталось, я не имела понятия.

Плотно закрытые глаза и уши. Я не знала кто там ходит рядом. Я лежала и шептала: «Пожалуйста».

– Эй, слышишь меня? – раздалось надо мной. – Все хорошо, слышишь?

– Пожалуйста. Не надо, – кое-как ответила. – Прошу вас...

Меня перевернули на спину сильные руки и в темноте комнаты, я увидела поблескивающие на одежде мужчины бляшки. Он был в черном, поэтому различить силуэт удава-

лось с трудом.

– Меня зовут Илья. Ты в надежных руках. Не бойся.

– Не нужно... прошу вас.

Глаза привыкли к полутьме, неяркого фонаря где-то со стороны огромных дверей, и я более четко увидела его.

– Я помогу тебе. Доверься, ладно? – но я молчала и смотрела в его темные глаза непонятно какого цвета.

Он смотрел так, что было невозможно отвести свои. Будто он держал меня взглядом.

– Как тебя зовут?

– Майя.

– Я помогу тебе Майя, хорошо?

– Кто вы? – мне казалось, что все это игра воображения.

– Старший лейтенант Островской.

– Взаправду?

– Взаправду, – улыбнулся и я потеряла сознание у него на руках, когда он поднял меня и прижал к своей груди.

С тех пор, как я пришла в себя в больнице он был моим надежным плечом. А после, его надежной женщиной и верной женой стала уже я.

Моя любовь к нему была и есть, не благодарность и плата за спасение. Я просто полюбила старшего лейтенанта Островского. Вот и все.

В нашей с Ильей жизни многое бывало.

И перед мамой ему пришлось меня отстаивать. Уж больно женщина была против девчонки, которую спас ее сын в столь

странных обстоятельствах. Ее не волновал факт того, что я не была проституткой, которую украли с трассы и решили вывезти за границу. Что я была обычной девушкой, которую заманили туда. Как раз в ее глазах, я была падшей и не подходящей. Но Илья твердо стоял на своем. Правда свекровь по-прежнему не смирилась и наши с ней отношения далеки от идеальных. Даже хорошими их не назовешь.

Мои родные вообще не интересовались моей жизнью. Первый год, когда я только уехала из дома, пытались вытянуть деньги из меня, но не получив положительного результата отстали. Этот момент Антонину Степановну тоже тревожил. Ведь наследственность все-таки перейдет нашим детям.

Но как же стало хорошо, когда, получив звание капитана, Илью отправили в длительную командировку со сменой места жительства за три сотни километров от этого города.

С тех пор как мы переехали прошло пять лет из восьми, что мы с ним вместе.

Что изменилось? Почти ничего.

Не знаю, хорошо это или плохо.

Однако я уже который год пытаюсь забеременеть и пока что ничего не выходит. Но я стараюсь не заикливаться. Но в итоге все выходит иначе.

Илья все же открывает дверь и подходит к кровати, на которой я лежу. Залазит на нее и ложится рядом.

Не поворачиваюсь к нему, но чувствую, как дышит мне

в затылок, в который зарывается носом, а рукой обнимает, проводя по бедру ладонью и прижимает к себе держа за живот.

– Прости меня, малыш, – целует плечо, на котором только лямка топа. – Я дурак.

Сгибает свою ногу так, что мою левую толкает вперед и она тоже упирается в кровать коленом. Теперь он повторяет изгиб моего тела, что не мешает ему гладить меня и целовать в открытые участки, царапая своей щетиной кожу.

– Извини, Майя. Мне просто сложно смотреть на тебя и видеть, как ты мучаешься и изводишься этим.

– Я жду от тебя поддержки, Илья, – останавливаю его руку, которой он лезет под майку. – А ты... Ты говоришь эти ужасные вещи. Зачем?

– Потому что готов отказаться от всего, чтобы ты была спокойна и счастлива, – пытается перевернуть на спину.

– Это не счастье для меня. Я хочу родить тебе малыша, и я не понимаю, почему у меня это не получается.

– Обратимся в клинику в городе. Давай?

– А как же твои слова? – обращаиваюсь немного и смотрю в его глаза.

– Я говорил не всерьез. Разумеется, я хочу ребенка, которого родишь мне ты.

Прикасается к моей щеке губами и ощутив, что я расслабилась укладывает на спину.

– Ты меня обидел, Иль, – поднимаю руки и обнимаю его

за шею.

– Готов загладить вину и тебя всю загладить, если ты не против.

– Мне нужно подумать, – улыбаюсь ему кусая за колючий подбородок.

– У меня предложение к тебе, – тянет лямки топа вниз по плечам.

Полуобнаженная ощущаю как воздух кусает кожу и прохладным покрывалом движется по мне, а следом рот Ильи... Его дыхание, согревающее меня.

– Какое? – кое-как выталкиваю воздух из легких, смотря как муж останавливается и упирается лицом меж груди.

Глазу его по щеке ожидая ответ.

– Может нам прямо сейчас совершить еще одну попытку? Мне кажется, чем чаще занимаешься сексом, тем больше вероятность беременности, – с этими словами оттягивает резинку моих шорт и тянет их вниз.

– Правда?

– Ага, где-то слышал о таком.

– Ну что ж, тогда, – снимаю с себя последнюю деталь одежды – майку, которая была на животе скомкана в тонкую линию, – я не против. Мне нравится этот метод. Только ты все еще одет.

– А это уже на тебе, – встает на колени и поднимает свои руки, позволяя делать все что захочу.

Глава 2

Сажусь перед ним на свои ноги и задрав футболку целую торс. Такой сильный и прокачанный. Его тело всегда сводило с ума. Отбрасываю ее в сторону и принимаюсь за штаны. Рассматриваю его всего и это уже доводит почти до пика.

– Нравится?

– Очень.

Встаю перед ним так же на колени и целую в губы прикасаюсь к его горячей коже. Ловлю мужской стон ртом и улыбаюсь.

– Люблю тебя... – дышит мной, прижимая к себе.

– И я тебя...

Чувствую, как внутри все сжимается и требует только его. Муж будто слышит меня, и я уже на кровати через секунду.

Его руки на моих плечах, а челюсти сжаты так, что сейчас зубы раскрошатся. Зажмуриваюсь и не выдержав почти плачу, взывая от удовольствия, которое сводит мышцы и дрожью пронзает все тело.

Все точки сходятся в одной и продлевают оргазм, а сам он падает сверху и придавливает собой.

Аккуратно высвобождаюсь и молча лежим часто дыша. Гладим друг друга руками и улыбаемся.

– Какие планы на выходные? – спрашивает любимый, когда я встаю и бегу в ванную.

– Не знаю. Оля звала в гости нас. Весна же, можно и шашлычок устроить, – кричу ему в ответ открывая воду в душе.

– Шашлычок, – шлепает по ягодице и встает вместе со мной под «дождь».

Выходим в комнату обернутые одним полотенцем, но на продолжение времени не хватает, потому что у мужа звонит телефон и судя по мелодии это его начальник.

– Черт. Только не это.

– Давай, капитан Островской, вперед.

– Не одевайся, мы сейчас продолжим.

– Я подумаю, – отбираю махровую ткань себе и прикрываюсь.

Илья

– Геннадий Савельевич, рад слышать, – отвечаю полковнику, а сам смотрю на мою красавицу, которая так рьяно прячет свои формы за полотенцем.

Хочется вырвать его из рук и еще не раз показать, как я люблю ее.

– Здравствуй, Илья. Не отвлекаю?

Мы с начальником хорошо общаемся. Ему нравится моя работа, а я совершенно не против послужить на благо. Работа в следственном отделе, конечно, тот еще труд, но мне

нравится. И то, как им руководит он, есть чему поучиться.

– Как сказать, – подмигиваю Майе.

– Ну, тогда извини. Давай-ка раз не занят приезжай в отдел.

– Я ж не сказал что не занят, товарищ полковник.

– Давай, юморист. Приказ пришел на тебя.

– Так точно. Скоро буду.

Настроение в разы ухудшается, впрочем, как и у жены.

– Вызывают? – дуется, но делает вид, что не против.

– Я ненадолго, – целую ее все-таки добравшись до мягкого тела, обнимая.

– Тогда я пока что займусь обедом.

– Хочу супчика.

– Ладно, – целую в шею и щекочу ее.

– Ну все, прекращай. Иначе позвоню полковнику и покажу, чем ты занимаешься вместо того, чтобы приказ выполнять.

– Вечером будешь мои приказы выполнять.

– Слушаюсь, мой капитан.

Шлепаю ее и иду к шкафу.

Одеваю рубашку и черные брюки. Целую жену и уезжаю в отдел.

По дороге мне звонит друг из родного города и сразу же огорошивает.

– Вещички пакуешь?

– Не понял. Ты о чем?

– Тебе не сказали еще? Тут уже приказ напечатали, думал ты в курсе.

– Вот еду в отдел, полковник вызвал.

– Переводят тебя обратно. Закончилась твоя пятилетняя командировка.

– Охренеть. Seriously?

– Ну да. Мы тебя тут уже ждем.

– Сам то как?

– Пойдет. В том же отделе работаю. Тут новеньких много стало, поперевождали тоже. Думаю и тебе местечко найдется.

– Ага, спасибо. Ладно давай, я уже на месте почти.

– Скоро увидимся.

Глушу двигатель, но из машины не вылезаю. Я настолько тут привык в маленьком городке, что уже забыл о времени, которое видимо подошло к концу.

Прохожусь по отделу, здороваюсь со всеми, кого встретил и стучу в дверь к начальнику.

– Проходи, Илья. Садись.

– Значит все?

– Все. Отработал ты у нас. Держи вот, читай.

Пробегаю глазами по бумажке, где напечатан приказ о моем переводе.

– У тебя неделя.

– Понял.

– Не отчаивайся. Там Матвей подкинет работы, чтобы не расслаблялся.

– А последнее дело?

– Я разберусь. Если понадобится приедешь. Главное, что ты успел во всем разобраться.

– Поменьше бы таких дел.

– Так не бывает. Ублюдки жили всегда среди нас и продолжают это делать. Давай, на сегодня это все. Завтра с утра на работу, поправлять документы.

– Хорошо. До свидания, Геннадий Савельевич.

Возвращаюсь домой и покупаю Майе пирожных по дороге.

– Ну что там? К чему срочность?

– Держи, это тебе, – отдаю коробку со сладостями наслаждаясь ароматом будущего обеда.

– Спасибо, родненький.

– Короче, приказ пришел. Обрато переводят.

– Ты... – вижу, что она ожидала чего угодно, но явно не такой новости. – Ты серьезно, Иль?

– Ага. Дали неделю.

– Класс, – идет на кухню и гремит там посудой.

Вхожу за ней и встаю за спиной, перехватывая руки.

– Май... – шепчу в затылок и веду по шее носом.

– М?

– Мы знали, что так будет.

Глажу ее талию и веду руками вниз по красивым бедрам.

– Знаю. Злюсь не на тебя, а вообще.

– А может не надо?

– Пока что не могу. Успокоиться нужно, – кладет голову на мое плечо, полностью облокотившись на меня и расслабив напряженное тело.

– Давай я?

– Ну давай, – знаю, что улыбается, а я просто беру ее на руки и несу в спальню.

Майя

Сбор вещей, суматошная уборка в квартире, стирка и многое другое, не говоря уже о том, что пришлось увольняться из детсада в ускоренном режиме. Благо там вошли в положение и не стали устанавливать сроки на отработки. В общем все это за последние три дня очень и очень надоело.

Помню, как радовалась переезду в этот город, теперь пропорциональной той радости, моя печаль.

Там подруг я не успела как таковых завести, здесь жизнь сложилась. В итоге оставляем все здесь. А ведь нужно было понимать, что все временно.

Самым сложным из всех планов и намеченных дел было позвонить матери Ильи и сказать о «прекрасной» новости.

– Почему я, Иль? Позвони своей маме сам.

– Малыш, мне нужно немного тут запариться с бумагами, поэтому я прошу сделать это тебя и поставить хотя бы на громкую. Ты ее знаешь, она не умеет ограничиваться парой минут разговора.

– Уж я-то знаю, – бурчу себе под нос и набираю свекровь.

– Да, Майя, – слышу, как она «рада» моему звонку и ехидно улыбаюсь, потому что разговор на громкой и Илья все слышит.

Нет, я не вставляю палки в колеса меж сыном и матерью. Муж прекрасно знает характер своей родительницы. Просто, когда ты год за годом в ее глазах и по ее мнению становишься только хуже, это в итоге надоедает и подобные мелочи, которые оборачиваются против нее даже радуют. Она предстает в невыгодном свете перед сыном. Хотя могла уже давно принять его выбор и облегчить жизнь всем. Но нет, она знает лучше и у нее сотни претенденток на сердце ее сыночка.

– Здравствуйте, Антонина Степановна. Как вы?

– Да уж жива. Спасибо что спросила. Целую неделю не звонили, а тут им интересно стало не померла ли я тут...

– Привет, мам, – перебивает поток желчи.

– Ой, Илюша, – тут же тоненько поет, а муж смотрит осуждающе, но с улыбкой, типа: «Мы ведь привыкли к этому, да Май?». – Сыночек, как ты?

– Мы с Майей хорошо, мам. И с новостью к тебе...

– Ах... Ну неужели. Ой как я рада. Как я рада, – я почти валяюсь от смеха, потому что она сто процентов решила, что я беременна. – Майя, дочка, поздравляю тебя. Я верила, верила до последнего...

– Мам, успокойся, – перебивает ее муж, сдавив переносицу устало, когда я почти хрюкаю от смеха, но на самом деле

я каждый раз понимаю, что моя зацикленность на беременности исходит из ее ожиданий и осуждений.

– А что за новость? – сразу сбавляет обороты свекровь.

– Меня обратно переводят. Через четыре дня приедем.

– Ага. Ну и славно. Будешь рядышком, – снова меня нет в ее предложениях. – Только не вздумай квартиру снимать. У нас вон трехкомнатная...

О боже, только не это. Смотрю на мужа, хоть и знаю, что он адекватно все это понимает, но на всякий случай делаю взгляд убийственным.

– Мы будем в служебной жить. Скоро моя очередь на жилье. Так что думаю через полгодика будет своя в новострое.

– Ой, упрямец какой. С мамой жить то лучше. И накормлю, и постираю, – началась песня.

Поворачиваюсь уйти, но Илья хватает меня поперек живота и прижимается к нему лицом, развернув к себе.

Массажирую ему кожу головы, а он закатывает глаза.

– Мам, я женат. У меня давно есть та, кто стирает, приготовит и все в этом духе.

– Женат. Одно только слово...

– Все, отключаюсь, – тычет в телефон пальцем и прекращает звонок, чуть ли не мурлыча от моих поглаживаний. – Ты чудо.

– А ты подхалим, но очень-очень милый.

– Как приедем, я с ней снова поговорю.

– Не стоит. В этом нет смысла. Я останусь для нее про-

ституткой и оборванкой из неблагополучной семьи, которая не может родить тебе сына. И весь благородный род Островских закончится на тебе.

– А я так не думаю, – поднимает голову и упирается подбородком меж грудью. – И мне плевать. Чувствуешь разницу?

– Именно поэтому, родной, – глажу его по щетинистой щеке, – я тебе ни слова не говорю. И прошу не развивать эту тему с мамой. За восемь лет она не сменила представление обо мне, думаешь сейчас что-то изменится?

– Прости, – притягивает меня на свои колени. Целует в губы зарываясь в волосы и разлохматив их тянет вниз, чтобы я запрокинула голову, а он смог добраться до шеи.

– Все хорошо... м-м-м. Пойду дальше паковать вещи, а ты занимайся работой.

– Ладно, – чмокает меня в губы и отпускает. – Кстати, что там с работой твоей?

– Нормально. Директор адекватная женщина, отнеслась с пониманием. Завтра пойду за трудовой.

– Отлично. Ну беги.

Откидывается на своем кресле и до последнего смотрит на меня, пока я ухожу из комнаты.

Люблю, когда он так на меня смотрит.

На следующий день нас приглашает в гости Оля со своим мужем. И мы уезжаем к ним на дачу на выходные, а во вторник едем обратно в город.

– Все будет хорошо, – переплетает свои пальцы с моими крепко держа мою ладонь, а второй ведет машину.

– Знаю, – откидываюсь на сидение полностью и поворачиваю к нему голову. – Знаю, Илья.

В городе оказываемся уже вечером. Нас у квартиры встречает друг Ильи, Максим.

– Привет, молодежь. Долго ехали.

– Привет, дружище.

Мужчины пожимают руки и обнимаются.

– Май, ну ты красотка, как всегда. Илюх, ты на ее фоне старик.

– Не смешно. Привет.

Смеемся и входим внутрь.

– Я взял на себя ответственность и привез ключи сам. А то хотели только завтра отдать лично в руки.

Осматриваюсь немного, пока они заносят вещи.

– Расположение норм. До отдела пара минут на машине. Остальные служебки если честно не очень были.

– Не представляю, как Матвей Иванович все это провернул так быстро и без меня.

– Зря он что ли столько лет тут всем руководит. Брось. Давайте располагайтесь, а я поехал. Аленка ждет.

– Приезжайте на ужин в субботу. Думаю, мы к этому времени обживемся тут.

– Договорились. Илюх, проведешь? – смотрит на мужа с намеком, что стоит остаться наедине.

– Пошли. Я сейчас, – гладит руку, и они оба выходят.

Спальня, гостиная, кухня небольшая и ванная комната. Шикарно. Думала, что будет хуже. И ремонт, и мебель в порядке.

Смотрю на часы, показывающие шесть вечера и так как мне лень готовить, ищу в интернете рестораны поблизости с доставкой. Заказываю нам ужин и принимаюсь за разбор вещей. А потом прокрутив в голове улицу нашей квартиры до меня доходит, что свекровь живет в соседнем доме от нас и застонав почти плачу падая на кровать.

Глава 3

Илья

Как только въехали в город с Майей и попали в его живую атмосферу я понял, что не скучал по нему. Даже исходя из моей работы: большой город, больше преступность. Хотя статистика порой смеётся над нами.

Мама хотела, чтобы мы в этот же вечер пришли к ней на ужин и мне пришлось долго от неё отбиваться, доказывая, что пол дня в дороге – это очень много и хотелось бы немного отдохнуть.

Потом ещё выяснилось, что мы живём в соседних многоэтажках. Майя меня придушит.

Хорошо нас встретил друг, иначе пришлось бы оставаться у матери или в отеле на ночь. За что благодарен и бывшему начальнику, который все сделал оперативно.

Выходим с Максом на лестничную площадку куда он позвал видимо не просто так.

- В чем дело? – начинаю с ходу.
- Слушай, там отдел на ушах, – начинает неуверенно.
- Почему?
- Считают, что к тебе Иваныч благосклонен.
- И? – не понимаю к чему он ведёт.

– Ну короче, может устроим посиделки в баре? Познакомиться с ребятами. Ты многих из них не знаешь.

Суя одну руку в карман, второй облакачиваюсь на перила лестничного пролета и смотрю на него.

– Мне стоит о чем-то знать? Или это просто совет от друга?

Он глаз не отводит, поэтому сбавляю обороты. Если бы отвернулся, значит что-то скрывает. Хотя столько лет в нашей работе, и не такому научишься до автоматизма.

– Да не, просто я подумал, что может начать работу со знакомства. Все-таки ты старший следователь и им работать под твоим руководством.

– А что, кого-то волнует моя должность?

– Не, ты ж скоро майором станешь. А тут Матвей на пенсию скоро собирается. Лет ему порядочно.

– Знаешь, Макс ты мой друг, поэтому тебе скажу культурно. Я ненавижу намёки. Мы с тобой давно не общались, так вот знай, что я немного изменился. И если ты или кто-то другой хочет что-то сказать пусть подойдёт. Так всем и передай.

– Да ты не так понял, Илья.

– Значит у тебя проблема с подачей информации. Я пошёл домой, устал после дороги. Увидимся в отделе.

Хлопаю дверь и стою у неё недолго.

– Илья, я нам ужин заказала, – слышу голос жены. – Через полчаса привезут. Ты где? – выходит ко мне и странно смотрит. – Ты чего?

– Нормально. Обдумываю кое-что.

– Ясно, – сразу вникает в то, что мне стоит побыть одному. – Тогда пойду дальше вещи распаковывать.

– Спасибо, – благодарю за понимание и остаюсь один, когда она тихо разворачивается и скрывается за углом.

Мы с Максом не были друзьями не разлей вода. Однако общались довольно близко. И теперь тот, кого я увидел перед собой, мало походил на того парня, которого я знал. Что-то в нем изменилось. Вопрос: что?

Утром уезжаю на работу и тут же натываюсь на реально множество незнакомых лиц. Черт, как в школе, пришел новенький.

Друг встречает почти с порога и сразу знакомит с парой ребят. А когда мы доходим до кабинета начальника сразу же уходит.

Стучу и вхожу после приглашения.

– Ну наконец-то доехал. С приездом Илья.

– Здравствуйте, Матвей Иванович.

Пожимаем руки.

Помню, как работал и брал с него пример. Внимал каждый совет в нелегком деле следователя. В некотором смысле он мой первый учитель. Оттого я так рад сегодня быть здесь.

– Смена моя приехала.

– Да уж какая смена.

– Такая, Илья. Пора мне сидеть дома, да внуков воспитывать, а не с вами нянчиться. А ты молодец, не подвел меня

у Савелича. Только и слышал о тебе.

– Старался. Как вы и учили.

– Ну-ну, я себе всю славу забирать не стану. Как обустроился?

– Майя занимается. Но квартира хорошая, спасибо.

– Молодцы, – улыбка пропадает с его лица. – У меня к тебе дело, Илья. Серьезное.

– Какое?

– Присаживайся. Ты уже отметил где надо?

– Так точно.

– Тогда слушай, сейчас выделим тебе кабинет, я там уже распорядился, должны были выполнить. А потом принесу дело...

– Можно, Матвей Иванович, – слышим стук в дверь.

– Входи Георгий, – он откидывается на кресло и ждет. – Знакомся, Илья Алексеевич. Это наш следователь Георгий Сергеевич Ковалевский.

Встаю и жму ему руку.

– Рад познакомиться.

– Что там у тебя?

– Я по делу. Сегодня утром вы мне поручили, но дамочка пошла в отказную.

Пока они говорят, я отхожу к окну и смотрю на толпу следователей и прочих сотрудников. Мало кто всплывает в памяти, но все же есть те, кто знаком.

– Молодняк.

– Да, много их.

– Половина уйдет. Мы же тут не в игрушки играем. Приходят такие, что боишься на них строго посмотреть. Зачем идут, черт знает. Шли бы в полицию патрульными, а не в следственный комитет. Так, долго говорить не буду. Есть дело, отмывание денег и все как обычно. Я уже почти разобрался. Доработай детали и мы передадим дело в прокуратуру, пусть сядят его. Нет времени прохлаждаться.

– Будет сделано. Только позвольте вопрос, – он кивает разрешая. – Почему я?

– Работай Илья. Все потом. Даю тебе месяц и готовое дело должно лежать у меня на столе. Материалы я сам тебе принесу.

Соглашаюсь до конца, не понимая к чему все это, но спорить не решаюсь.

Месяц спустя

Если бы мне тогда начальник сказал, что речь о мэре города я бы не знаю, как поступил, если честно. Но согласившись, отступить я не думал.

И вот после передачи дела в прокуратуру, проверке его и аресте Савельчука с утра комитет жужжит как рой пчел.

Кто-то поздравляет с делом, кто-то проходит мимо, вторых кстати подавляющее большинство.

Никто даже не знал, что дело ведется против самого мэра

и тут сразу арест.

Накопали мы на него с начальником столько, что ему три пожизненных дать можно.

– Ну что ж, Илья. Полагаю скоро тебе дадут майора. Поздравляю, – встречает своей речью меня в моем же кабинете Жора, тот самый Георгий, которому я особо не понравился уже после первой встречи.

– Я каждое свое звание получал в срок по выслуге. Так что пора бы и майора.

– Правда? А мне и другим, кажется ты приехал, схватил первое дело, которое дал тебе сам генерал-лейтенант и паф... ты стал героем дня. Потрясное совпадение. Так что позвольте поздравить, капитан юстиции Островской, – прикладывает два пальца к виску и уходит.

Сжимаю кулаки и от злости хочу разбить их в кровь, но мне звонит Майя, и я немного успокаиваюсь.

– Привет. Ты сегодня домой приедешь?

– Привет, малыш. Да, дело завершилось.

– Наконец-то, – слышу иронию в ее голосе или что-то близкое к ней. – Тогда не стану переносить столик в ресторане.

– Я работаю, Майя. А не херней занимаюсь, – знаю, что реагирую слишком эмоционально и пропал последний месяц в отделе. Да и нервы не к черту.

– Я такого не говорила, Иль. Не говоря о важности события, я просто соскучилась по своему мужу, это преступле-

ние?

– Ты даже не спросила, насколько сильно я устал и готов ли идти в этот чертов ресторан.

– А ты что ребенок? Устал? Так и скажи, что «устал, завтра буду готов», если, по-твоему, дело завершилось. Я должна думать о том, что ты там у себя на уме подразумеваешь?

– Знаешь, я задолбался, а не устал. Поэтому в ресторан можешь идти сама.

Она молчит пару секунд и только потом отвечает.

– Хорошего тебе вечера.

Отключается.

– Твою ж...

Падаю в кресло и тру виски, которые пульсируют от головной боли и недосыпа.

Чуть ли не засыпаю, когда меня зовет к себе начальник.

– Вызывали, Матвей Иванович?

– Вызывал. Садись. Ну как ты?

– Нормально.

– Не скажешь по тебе. Давай домой, а в понедельник будем присваивать тебе звание.

– Серьезно?

– Пора бы. Да и дело громкое.

– Зачем вы отдали его мне?

– А мне к чему эти лавры за месяц до отставки?

– Месяц?

– Именно так, сынок. Так что готовься.

– Я? Почему не Ковалевский?

– Потому что ты. Даже объяснять не хочу, ты сам все знаешь.

– Если бы.

– Поговори мне еще, – он встает, и я за ним, а после жмет руку. – Хорошая работа.

– До свидания.

– Давай, до понедельника.

Медленно еду по улицам города. Сегодня как-то много машин, а мне все два квартала до дома, которые я преодолеваю за целых полчаса.

Устало бреду в квартиру и сразу понимаю, что там Майи нет. Вытаскиваю телефон и звонок слышится из гостиной.

– Ну что за детский сад? – отключаю вызов и сажусь на диван.

Ума не приложу, где ее искать.

Иду на кухню, подхожу к холодильнику, на котором наклеен стикер, который она не сняла. Адрес ресторана.

Переодеваюсь в джинсы и свитер, спускаюсь к машине и еду к жене просить прощения.

Вхожу внутрь. Прохожу глазами по посетителям и в дальнем углу нахожу Майю, которая сидит с белой чашкой скорее всего ее любимого чая с жасмином и... плачет.

Медленно подхожу к ее столику, на котором стоят свечи. Майя сразу меня замечает, но отворачивается, пока я двига-

юсь в ее направлении и пьет свой чай.

Сажусь напротив и сложив руки молчу рассматривая ее. Такая красивая. Такая нежная и характерная. Готовилась сегодня к этому вечеру, а я все испортил. Дурак.

– Привет, малыш.

– Зачем ты здесь, Иль? Я рассчитывала на спокойный вечер. И если не с мужем, то одной провести.

– Ты с мужем.

– Это было до того, как мы поссорились на ровном месте.

– Прости.

– Хорошо. Но я попрошу тебя уйти.

– Почему?

– Илья, ты можешь не допрашивать меня? Я не преступник, а ты не следователь. Мы тут супруги, которым стоит побыть раздельно.

– Май, я сегодня закрыл сложное дело, которое вел весь месяц с момента приезда. Мои мозги кипят так, что я не уверен, что они там еще остались. Я не спал хренову тонну часов. И все что я хотел от этого вечера, завалиться спать и провести в кровати пару дней. Это сложно понять?

– Нет, я все понимаю, – поворачивается и смотрит глазами полными слез. Сжимаю кулаки и не знаю, как правильно сейчас поступить, чтобы не разругаться в хлам. – И прошу о понимании тебя.

– Мы не можем просто поужинать и вернуться домой?

– Нет. Ты хотел отдохнуть. Отдыхай.

– Это что каприз?

Не успевает ответить, потому что у нее звонит мобильный и она отвечает, растянув губы в улыбке. И если бы я не знал свою жену, то решил бы что она настоящая.

– Привет, еще раз... Не отвлекаешь... – сижу жду пока она поговорит, очевидно, с подругой. – Да, мы в ресторане. Недавно пришли... Как всегда, – поднимает глаза на меня, которые снова блестят, пока она отвечает, – что-то особенное. Ты же его знаешь.

Копшусь в голове, потому что уловил ее интонацию, но не могу понять в чем дело. Значит это не просто ее бзик.

Майя заканчивает разговор, словом «спасибо» и убирает телефон в сумочку.

– Что происходит?

– Сейчас?

– Нет, с нами.

– Не знаю, Илья. Может это просто кризис какой-то. Может становимся далекими, потому что у тебя работа, у меня... как обычно. И это все никак не пересекается в одной точке.

– Хочешь, чтобы я уволился? У меня и раньше была эта работа.

– Тогда почему раньше нам хватало времени друг на друга?

– Это временно, малыш. Сейчас станет посвободней немного. Все восстановим, обещаю, – беру ее руку и целую.

– Я знаю, – улыбается грустно. – Просто видимо порой сложно скучать по тебе и держать это в себе, как раньше. Как видишь выплескивается, дойдя до предельной черты.

– Извини меня. Я заработался и признаю, что зациклился на себе. Прости.

– Прощаю. Мне кажется, я тебя прощаю всегда даже раньше, чем ты что-то натворишь.

Снова целую ее пальчики. Но чувствую, что она не простила. Кажется, обиделась сильно.

– Ты очень красивая, а сегодня особенно.

– Я купила это платье несколько недель назад.

– Оно тебе очень идет. А о чем говорили с... Олей?

– Да так.

– Расскажи, – глажу ее кисть, а она вновь отворачивается.

– Она спросила, что ты мне подарил на мой день рождения, вчера.

И я ощущаю себя настоящим мудаком.

Майя

Обидно. Очень. И больно еще к тому же.

Напялила это дурацкое платье. Надеялась на то, что вспомнит сегодня.

И обижаюсь и нет. Как себя понять не знаю.

Свекровь выела весь мозг вчера и сегодня успела. В итоге все навалилось в один момент и сдержаться не удалось не

только мне, но и ему.

Знаю, что такое бывает. Знаю, что стоит быть сильной и понимающей, но сейчас не могу. Сложно взять себя в руки. Переезд, новая работа, гормоны, новая клиника. Откуда взять спокойствие?

Я не хотела тыкать ему днем рождения, но обида оказалась сильнее, видимо.

Смотрит ошарашенно и сокрушенно. Именно поэтому не хотела говорить. Я не люблю говорить и тыкать его в подобное. Не люблю, когда он чувствует себя неловко. А сегодня поддалась ему.

– Майя, – только и выговаривает, закрывая глаза. Трет их пальцами, которые спускает по лицу к шее.

– Что?

– Я...

– Ты забыл. Я в курсе.

– Черт, – облокачивается на спинку стула. – Прости меня. Я закрутился... Так мы вчера должны были прийти...

– Да. Стол был заказан мной на вчера. Ты попросил перенести наш ужин. Я перенесла.

– Почему ты не напомнила?

Смотрю слегка ошарашенно, но знаю, что он лишь мужчина, который все забывает. Однако...

– Я бы хотела не напоминать мужу о своем дне рождения. О чем угодно, но не об этом Иль.

– Я такой козел. Прости. Прошу скажи, что ты хочешь?

Все что пожелаешь сделаю, клянусь. Любой подарок, любое место...

– Ничего.

– Май... я правда забыл. Но не потому, что забыл о дне твоего рождения. Я просто забыл обо всем из-за того, что устал.

– Знаю, но пока что мне обидно и настроение в конец испорчено.

– Тогда, давай поедим и поедем домой? Я тебя одну тут не оставлю.

– Ладно.

Соглашаюсь, потому что дома мы снова начнем выяснять отношения, говорить о том, что в последнее время все либо гладко, либо на вулкане, а я не хочу. Сейчас не хочу об этом. Ни о чем не хочу.

Заканчиваем ужин почти в молчании. Редкие фразы и вопросы, не более того.

– Прогуляться не хочешь? – спрашивает муж, когда мы выходим из ресторана и вдыхаем воздух последнего дня весны.

– Давай, – кладу сумочку в машину и отхожу к тротуару, который уводит в глубину развлекательного парка, который уже всю начал свою работу.

В конце прогулки мы сели в машину и поехали домой. Там Илья и сказал о своем скором повышении.

– Мне дадут майора. И скорее всего назначат начальником

следственного отдела, – стараюсь не смотреть в его сторону, чтобы не выдать настоящие чувства.

Я знакома с женой Матвея Ивановича, и знаю, что значит быть женой такого начальника.

Мы с Ильей, словно начинаем идти с разной скоростью шага. Я тянусь к нему, ищу поддержку, и тепло родного и любимого человека, а Илья все дальше идет и скорее отдаляется. Хотя сам похоже этого не замечает.

Глава 4

Знала ли я все о жизни жены человека, работающего в следственном отделе? Да и просто жены человека в погонах? Нет. До конца нет.

А если бы знала, вышла бы за него замуж? Стала бы верной спутницей?

Разумеется – да.

Я любила. И это определило нас.

А сейчас? Сейчас я так же не имею против ничего его службы в органах, но чувствую, что мы меняемся. И меня пугает именно то, что нас разделяет.

Вернулись домой в полном молчании. Оно было четким. Ощущалось каждой клеткой тела. А разум кричал: «Скажи. Скажи, как ты переживаешь». Но мой рот был закрыт на замок. Сегодня не хотела уже ничего.

– Малыш? – позвал муж, когда я, скинув обувь поспешила в спальню.

– Что? – тру виски, ощущая в них стучащий очень сильно пульс.

– Я возьму выходной дополнительный на следующей неделе, и мы на три дня смотаемся на озеро.

Это было идеальное предложение. Я бы хотела кричать от радости «да». Но его слова говорили мне только о том, что

он ничего не понимает.

Решаю за секунду, стоит ли начинать этот разговор, ведь на взводе. Но надеюсь, что не сорвусь и все не сольется в простой скандал.

– Это не решит ничего, Илья.

– А что решит? Ты обиделась, Май, – подходит и разворачивает к себе, держа за плечи. – Я пытаюсь загладить свою вину. Чего ты хочешь в таком случае от меня? Скажи и я сделаю.

Глубокий вдох. Прочь бессилие и усталость моральную. Глаза сталкиваются с его, и я отвечаю честно.

– Я хочу, чтобы мой муж помнил обо мне. Помнил о том, что у него есть семья, – на глаза накатывают слезы. Слезы, которые я уже презираю и не желаю, но не могу с ними ничего поделать. Это глубокая обида. Обида за то, что я осталась одна. Да он был занят, как бывало часто, но я одиночества не ощущала.

– Я помню, – вскидывает руки с психами и отходит по-дальше.

– Что где-то там я сижу и жду тебя? Это не одно и то же.

– Послушай, я забыл о твоём дне рождении. Я же не говорю, что этого не было. Признаю вину. А ты копаешь не в ту сторону.

– Господи, ты не видишь? Ты правда не видишь ничего?

– Чего? – орет, срываясь первым. – Чего я не вижу? Что ты мне мозг выносишь?

– Что мы становимся далеки с тобой. И ты прав, работа у тебя была всегда. Тогда может быть не в ней причина, Илья? Может быть причина в тебе самом?

– О, ну конечно. Разумеется, – кладет одну руку на пояс, а второй жестикулирует. – Еще скажи, что у нас всегда все дерьмово было.

– Не было. Но сейчас, все не радужно. Вот что я тебе хотела сказать.

– И устроила эти разборки, не пойми зачем.

Молча смотрю на него, дышащего полной грудью. Он зол. Он не любит все эти выяснения отношений. Он любит, когда все идет просто вперед.

Двигаюсь мимо него и не обращая внимания на то, что он пристально наблюдает за всеми моими действиями, больше не говорю ни слова.

– Теперь мы играем в молчанку? – прерывает образовавшееся отягощающее молчание.

– Мы спать ложимся, – снимаю покрывало с кровати и складываю его, убрав на пуф.

– И это все, Май?

– А что еще ты хочешь услышать? – смотрю, вскинув бровь. – Я говорю, ты орешь. Я разъясняю, ты не понимаешь и опять орешь. Мы в тупике, Иль. И пока мы с тобой в нем, дальше не имеет смысла вести разговоры.

– Охренеть, – чешет затылок.

Затем делает то, что ни разу до этого не делал. Он подхо-

дит и забирает свою подушку. А после дверь нашей спальни громко закрывается и отделяет друг от друга.

Ложусь спать опустошенной. Словно он выкачал из меня все. Или я сама. Но внутри пустота. Мужа нет рядом. Мы в ссоре. Я не люблю вот так. Я не люблю без него ничего.

Не знаю как, но мне удалось уснуть. А потом я услышала, как Илья вошел в комнату и лег под одеяло.

Его крепкие руки обняли так сильно, что в раз перестало хватать воздуха.

Я ощущала, как он дрожит и сама перенимала это состояние едва выплыв из сна.

– Прости, малышка. Я столько тебе наговорил. Прости меня, Май... Клянусь я все исправлю.

Ему не нужен был мой ответ. Он знал его и без этого. Он знал, что я буду рядом. Его верная Майя. А я подумала, хорошо это или нет?

– Май, сегодня мама зовет к себе на ужин, – Илья позвонил, когда у него был обеденный перерыв, а я в группе уложила малышей на дневной сон.

– Нас или тебя, Иль?

– Можем не идти.

– Брось. Я шучу. К такому невозможно привыкнуть, но я, кажется, начинаю. Все-таки столько лет одно и то же.

– Не обращай внимания. Я говорил ей много раз.

– А я говорила, чтобы ты этого не делал. Потому что она

неисправима.

– Ну все. Давай просто забудем? И на ужин можем не идти, правда.

– Ну нет. Это последнее на что я бы согласилась.

– Ладно. Ты во сколько освободишься?

– У нас есть пара ребятишек, кого оставляют на продленку. Думаю, к семи.

– Продленка? Это как?

– Ну есть родители, кто не успевает забрать ребенка в пять. Они с работы едут.

– Понял. Ладно, Май, я пойду, обед закончился уже.

– Я тоже, пойду отлавливать партизан. А то я их уже слышу, – сначала грозно говорю, а потом смеюсь тихо услышав шуршание.

– До вечера.

– Целую.

Освобождаюсь позже, чем планировала в итоге. И прихожу на ужин к свекрови после Ильи. А там картина маслом.

За столом какая-то потрясающая подруга Антонины Степановны и ее не менее прекрасная дочка. Илья, который смотрит на мать волком, а та на меня в дверях.

– Здравсьте. У вас смотрины?

Муж сразу встает, злой. Берет меня под руку и ведет на выход, но я останавливаюсь и жду, когда свекровь подойдет ближе, чтобы не устраивать скандал на людях.

– Майя, ну что ты устроила? Ко мне гости пришли. А вы

тут уходить собрались. Это же невежливо.

– Невежливо? Вы вообще стыд потеряли, Антонина Степановна. Есть предел, перейдя черту, которого это становится совсем не смешно. Или, по-вашему, Илья безмозглый идиот, не в обиду тебе, Иль.

– Да как ты смеешь...

– Это говорите вы, приводя разных девок к женатому сыну и втюхивая их достоинства. Имейте, если не уважение ко мне, то хотя бы совесть по отношению к сыну, который свой выбор сделал. Потому что вы падаете, очень низко вытворяя все это.

Не знаю, поймет ли она когда-нибудь сказанное мной, но я жутко уставать начинаю каждый раз доказывая ей что я не верблюд.

– Сегодня звание присваивают.

– Помню. Я очень рада, любимый майор, – ощущаю гордость за Илью и поправляю его китель.

– Вечером жду вкусный ужин.

– Будут какие-то особые пожелания? – прижимаюсь к нему всем телом.

– Вот на ужине и узнаешь.

– Хорошо. Тогда придумаю что-то особенное.

– А еще повышение.

– То есть... Матвей Иванович ушел в отставку?

– Да. И я возглавлю теперь отдел.

– Ты заслужил. Ты к этому шел, – подавляю свой страх и улыбаюсь целуя. – Вот и отметим сразу два события.

– Я тебя люблю.

– А я тебя. Ступай, а то опоздаешь на свое повышение.

Провожая его до двери и закрыв ее чувствую, как дрожу. Не знаю почему. Просто страх видимо пробирается все сильнее в меня. Но я знаю, что мы все сможем выстоять с ним вдвоем. Будет сложно свыкнуться с тем, что он станет еще более занятой. Это его жизнь, это его работа. А я его жена.

День сегодня прямо скажем очень напряженный. В саду пара ребятишек слишком раскапризничались. Эти двое самые активные и самые задиристые в группе. Справиться с ними бывает очень сложно, когда в их «тусовку» примыкают и другие. Но такие дни скорее исключения и бывают редко.

Поэтому к пяти вечера я была совершенно уставшей и разболелась голова, а еще периодически потягивали живот и поясница. Очень неприятно так, что хотелось просто лечь и лежать ничего не делая. Но я об этом и не думала, ведь сегодня важный день у Ильи, и я ждала этого вечера.

Те выходные две недели назад нам провести вдвоем так и не удалось. Как и взять дополнительный выходной. Я скучаю по нему. Я скучаю по нам двоим.

Случай с моим днем рождения и ссора после показали мне что я была права и не совсем готова к подобной жизни в большом городе, а скорее привыкла как было до. Эта его за-

нятость, новая должность, постоянное отсутствие, плюс моя усталость в саду. Но мы и правда начали отдаляться с Ильей и связано это не с работой. А может мне всего лишь, кажется, потому что я переживаю за нас. Я пока что так и не разобралась с этим.

– Лида, останься, пожалуйста, до семи одна сегодня. У нас с мужем праздник.

– Не вопрос. Хорошего вам вечера.

– Спасибо.

Поспешила домой и начала готовить ужин. Пока мясо запекалось в духовке я побежала в душ. Времени было еще достаточно. Только половина восьмого, но входная дверь открылась, и я как есть с мокрыми волосами и в полотенце побежала к мужу.

– Ты так рано сегодня? Была уверена, вы там в отделе отмечаете твое повышение, – поцеловала любимые губы и утонула в объятиях Ильи.

Подхватил на руки и прислонил к стене навалившись своим телом.

– Ты прямо готовилась встречать меня, – лезет руками под полотенце, где напрочь отсутствует белье.

– Так вышло, я не специально, мой майор, – чувствую его ладони, которые трогают меня в самых интимных местах, и выгибаюсь, вперед не допуская и сантиметра лишнего, между нами.

Полотенце спадает, и оголенной груди касается грубая

ткань его униформы.

– Нужно тебя вытащить из этого пиджака. Он очень мешает, – расстегиваю медленно пуговицы, продолжая целовать его лицо, спускаясь к шее.

– Согласен, – проходит со мной в гостиную и опускает на диван.

Выпрямляется, стягивая с себя одежду и все это время рассматривает меня. Глазами, в которых плавится золото в горячем шоколаде.

У Ильи звонит мобильный, который он берет в руку и отвечает, по-прежнему расстегивая рубашку.

– Да, Макс... Скоро... Знаю это место, хорошо... Давай.

– Ты куда-то собираешься? – замираю в ожидании ответа, ведь судя по тому, что отвечал муж, он недолго пробудет дома со мной.

– Не я, а мы. Мне дали новую должность и звание, Май. Стоит отметить со всем отделом. Парни ждут в баре.

– Но я... я думала мы... – встаю и обматываю себя полотенцем растеряв возбуждение, настроение и все что этому сопутствовало.

– Май, это важно, – звучат определяющие ситуацию слова.

– Важно, – улыбаюсь ему, а сама превращаюсь внутри в месиво обиды и боли. – Конечно важно. Прости, я не смогу пойти с тобой. Устала на работе и не очень хорошо себя чувствую.

Ухожу в комнату, завязываю мокрые волосы резинкой на

макушке и натянув белье одеваюсь в штаны и майку.

– Малыш, ну подожди, – хватает за руку и останавливает.

– У меня в духовке мясо, я хочу его вытащить и убрать,

Иль.

– Ну что опять?

– Ничего, – сначала решаю промолчать, а потом все же решаюсь ответить, как есть. – Не стану юлить, поэтому скажу, как есть, я готовилась к тому, что мы проведем этот вечер вдвоем. Ты идешь в бар проводить его с подчиненными.

– Да, и зову тебя с собой.

– Не хочу, Иль. Честно не хочу. Я не могу взять и настроиться вдруг на вечер, который планировала провести иначе. А идти с тобой и сидеть с кислой миной не считаю хорошей идеей.

– Майя... – он отворачивается, отпустив мою руку.

– Почему на выходной не перенесли посиделки?

– Потому что Матвей Иванович уезжает послезавтра.

– Поняла, – ухожу на кухню, вынимаю форму с мясом и оставляю ее на подставке, пока глаза застилают слезы.

Муж где-то в комнате, слышу, как ходит там. Видимо переодевается.

Медленно возвращаюсь в гостиную и жду, когда он покажется.

– Я не понимаю, что с тобой происходит, – садится в кресло и смотрит пристально в растерянные мои глаза.

– Может быть я слишком эмоционально переношу наши

разлуки, потому что раньше все было иначе и мне стоит немного привыкнуть к твоему ритму жизни. Но все не только на этом сосредоточено. Дома ты все так же на работе, а я просто как составляющая. Я не надумываю. Я не утрирую. Я так чувствую.

– А что я должен делать, Май?

– Я знаю, что ты не понимаешь. И я пытаюсь с собой совладать. Но это сложно, честно. Я просто твоя жена и хочу, чтобы дома ты помнил об этом.

– Ты выносишь мне мозг, а толком сказать ничего не можешь.

– И это странно, мне казалось, что я говорю внятно.

Илья

– Ошибаешься, я ни черта не понимаю. А ты все больше путаешь. Это моя работа, которой я посвящаю себя. Дома я с тобой. Что еще? – кричу срываясь.

– Знаешь, иди на свою вечеринку. Сейчас мы с тобой ни до чего не дойдем. Только сильнее поссоримся.

– То есть не пойдешь со мной?

– Илья, нет. Как ты себе это представляешь?

– Впрочем знаешь, там одни мужики будут. Сиди дома. Поговорим потом.

– Отлично.

В последний раз смотрю на нее, размышляя о том, что

происходит с моей женой. И, быть может, я ослеп, не видя того, о чем она говорит. А после беру ключи от машины, портмоне и ухожу из квартиры.

Приезжаю в бар и войдя внутрь, вижу весь отдел во главе с Матвеем Ивановичем.

– Ооо, начальник пожаловал.

Вечер проходит спокойно и в меру весело.

– Что-то ты не весел.

– Вы уходите и на меня ложится весь отдел.

– Ты справишься.

– Справлюсь – это точно.

– Жена? – все не унимается бывший начальник.

Киваю, вместо ответа.

– Она привыкнет. Моя долго привыкала. Ох, и наслушался. Но рядом была и не уходила. А потом как родили сына, она успокоилась. Хотя порой встречала со скалкой в руках, или армейским ремнем.

– Надеюсь, что и Майя привыкнет.

– Главное, чтобы любила. Если все это имеется, значит успех вам обоим обеспечен.

Поднимает стакан и выпив содержимое, сообщает что уже уходит.

Провожаем его, услышав пожелания в нашей нелегкой работе и остаемся дальше в баре.

После десяти многие разошлись, и я стал собираться.

– Ты отчаливаешь? – спрашивает Макс.

– Да, поеду уже.

– Давай еще по одной и я тоже поеду. Как раз такси вызывать собирался.

– Давай.

Бармен разливает алкоголь, я опрокидываю в себя содержимое и морщусь, стукнув бокалом по стойке. А потом просыпаюсь от боли в глазах, теле, и голове, а еще кричащей матери.

Глава 5

В голове мозги будто плавали. Шум, который разносился по комнате, проходя через мои уши, словно усиливался и громыхал в сотни раз больше.

Прижимаю жену к себе, надеюсь, что мама уйдет, а еще пытаюсь плотней закрыть глаза, чтобы те не так сильно выдавливало из глазного яблока.

Но увиденное, когда я все же сел, повергло даже не в шок. Сначала это было непонимание, потом уже ужас и прочие чувства человека, который ни черта не понимает вообще.

Следователь внутри меня начал уже разбирать картинку по мелочам, но сейчас я был мужем, жена которого увидела меня с другим.

Да, у нас с Майей сейчас не лучшие отношения, но изменять ей я не стал бы ни за что. Во-первых, я ее люблю. Во-вторых, на хрена мне еще одна женщина, выносящая мозг.

Остановить ее было сложным вопросом. Еще мама... Хотя, если поразмыслить, я предстал перед ней голым, а рядом какая-то девка пляшет. Стоит дать время ей остыть. Но вот другой вопрос: где была она? Всю, мать его, ночь.

Мама вытаскивает жену за руку из квартиры, но я сейчас сам ощущал себя преданным, что ли.

Открываю дверь и хватаю ее за предплечье.

– Стой, сказал.

– Отпусти, – даже не смотрит на меня.

– Ты не ответила мне на вопрос.

– Зато у тебя пояснение того, что я видела прекрасное.

– С этим я еще разберусь. Сейчас ответь, где была?

– Илья, – вмешивается мама, когда Майя начинает плакать, а мои тормоза срывает, потому что я ничего не понимаю. Почему она плачет? Потому что ситуация такая или с ней что-то произошло?

– Что произошло? – разворачиваю ее к себе и заглядываю в лицо.

– Илья, – мама пытается убрать мои руки. – Потом поговорите. Поверь, лучше не сейчас.

Ослабляю хватку и отпускаю ее.

Майя смотрит на меня еще одну секунду, а после разворачивается и уходит.

– Мама, присмотри за ней, пожалуйста. Я скоро ее заберу.

Она качает головой, осуждающе смотрит и исчезает вслед за ней.

Возвращаюсь в квартиру и меня тут же тошнит. Даже успеваю добежать до ванной.

– Черт возьми.

Берусь за голову, ненадолго выпадая из ситуации, а после сразу звоню по единственному верному номеру.

– Семеныч, привет. Ты на работе?

– Привет, Илья. Поздравляю с повышением и званием.

– Спасибо.

– Да, как обычно. У тебя дело?

– Я могу быть уверен в том, что моя просьба останется очень личной и сделанной в короткие сроки?

– Обижаешь.

– Тогда пришли ко мне кого-нибудь взять анализы.

– Не понял, у тебя что ли?

– Сем, пока что без вопросов. Адрес мой знаешь?

– Неа, скажи.

Называю ему номер квартиры и улицы и жду.

Семен работает в лаборатории независимой экспертизы. Я обращаюсь к нему нечасто, но бывает порой без него никак. Поэтому доверие внушает. Остается надеяться, что ничего за годы моего отсутствия не изменилось.

Сажусь на диван, смотрю на часы и пытаюсь вспомнить, что было вчера. Последний шот и...?

Что было потом?

В голове мелькает отрывками Макс, еще пара ребят из отдела.

– Черт, – голова вновь раскалывается.

Девчонка из лаборатории приехала быстро.

Взяла кровь, анализ содержимого желудка и мочу.

Принял таблетку, собрался и поехал на работу.

Вошел в отдел, и некоторые заметно напряглись, прогуливаясь по коридорам. Остальные спокойно здоровались и проходили мимо.

Визуально всех заинтересованных запомнил. Прошел в кабинет и позвал Макса.

– Вызывал, начальник? – улыбается и проходит.

Слежу за каждым его шагом, ища подвох. Но ведет он себя естественно.

– Привет. Садись.

Киваю на стул, а сам продолжаю стоять.

– Что-то случилось? – теряет настроение и вжимается в стул.

Удивительно, раньше в нем столько трусости я не видел.

– Случилось? Не знаю. Я вчера что-то перебрал. Решил спросить, во сколько мы уехали из бара?

– Ну мы выпили с тобой не по одной, а еще по три, а потом мне жена позвонила, и я уехал, – его ответ напряг, как и то, как легко он это сказал.

– А я?

– А ты остался.

Сажусь в кресло и ослабляю галстук. Не такого ответа я ждал. Конечно, не признания, но...

Камеры. Точно.

– Илья? – зовет меня Макс, когда я ухожу в мысленный монолог с собой. – Ты чего? Случилось что?

– Нет. Все в порядке. Я потерял вчера кошелек. Пытаюсь найти.

– Карты заблокируй сразу. Давай помогу найти. Надо в бар съездить.

– Я сам. Спасибо. Вчера... Кто еще остался?

– Вас человек шесть было, если не ошибаюсь.

– Напиши мне их имена.

– Допрашивать, что ли, будешь, – смеется.

– Ага, – не подаю вида. Если он не в курсе дел, то могу использовать в деле. Если же что-то знает, то пока не буду спрашивать напрямую.

Как раз анализы придут.

– Вроде все, – двигает листок ко мне и кладет на него сверху ручку.

– Спасибо. Ступай на рабочее место.

– Так точно. У меня как раз выезд.

– Давай, – вчитываюсь в имена сотрудников и пытаюсь выделить их из тех образов, которые мелькали в голове.

Майя

Не чувствую ног, рук и вообще своего тела.

Спускаюсь по лестнице и выхожу на улицу. Куда идти? Что делать?

Я так ошеломлена, так подкошена всем тем, что произошло, что просто не знаю что мне делать.

Мать Ильи рядом, что-то говорит, а я ее даже не слышу. Я просто не понимаю, что она тут делает.

Хочу побыть одной. Хочу тишины. Лишиться памяти.

– Ты слышишь, Майя?

– Нет. Я вас не слышу. Ни единого слова. Простите, мне нужно идти.

– Куда? – она непонимающе смотрит, остановив мои попытки развернуться. – Куда идти?

– Не знаю. Куда обычно идут после увиденного? Случившегося? Я не знаю, понимаете?

Смотрю по сторонам, будто выбираю на север, юг или восток.

– Вот потому, пошли со мной. Не хватало еще, чтобы ты блуждала по улицам после такого. Отлежишься, отоспишься, а потом... Ну а потом решите все вместе. И не возражай. Если надо позову Илью, чтобы отнес на руках.

Подталкивает меня в спину, и я машинально начинаю передвигать ногами.

На улице лето. И это утро я бы полюбила за прохладу. За мягкий ветер, который словно нежные руки обнимает лицо. И все же я его ненавижу. Это утро, тот вечер. Сказанные слова на эмоциях и поступки, сделанные на эмоциях.

Почему он так сделал? Почему отрицал очевидное? Точнее не отрицал. Он просто сказал, что не знает ее. Ну что за глупость?

Все тот же Илья. Но уже не мой.

А чей теперь?

Не целуй меня губами грязными.

Не касайся кожи, грубыми руками.

*Мы с тобою раньше были плотно связаны.
Но теперь меж нами лишь измены камень.*

*Боль клубится в сердце, создавая раны.
Проникая глубже, убивает нежно.
Принимаем словно с кислотою ванну,
И теряем хрупкую, но еще надежду.*

(с)Лиля Каттен

Входим в квартиру свекрови, и она сразу же показывает мне комнату, в которой я могу «пожить недолго».

Остаюсь наедине со своими хаотичными мыслями и не знаю, что делать.

В кармане оживает мобильный, который я вытаскиваю, когда звонок уже сброшен, а с заставки экранной на меня смотрит он. Мой любимый предатель.

– Как же ты мог, Иль? Зачем? – не сдерживая слез плачу. Просто реву.

От безысходности, от боли, от того, что не могу поверить даже собственным глазам.

Мне он сейчас так нужен. Его руки. Его голос, которым он меня мог успокоить и сказать: «Это не страшно, малыш. У нас все получится».

Сумочка падает на пол, а я иду к кровати и ложась в нее моментально засыпаю.

Просыпаюсь с большой головой, по которой хочется по-

стучать кулаком.

Проверяю мобильный и нахожу в нем кучу звонков от заведующей.

– Боже, – сажусь на постели ощутив легкий голод.

Набираю начальнице и сумбурно пытаюсь объяснить, где я нахожусь и что со мной случилось.

– Если поехала в больницу, стоило предупредить заранее, Майя.

– Заранее сказать, что у меня выкидыш случится ночью? – не сдержавшись начинаю грубить ей.

– Я... Нет. Майя... – от неожиданности она сначала даже не знает что сказать. – Так, берешь неделю на восстановление.

– Спасибо и извините за грубость. До свидания.

Снова засматриваюсь на наши с Ильей счастливые лица и блокирую телефон.

– Майя, ты проснулась? – слышу голос Антонины Степановны за дверью.

– Да. Я сейчас выйду.

– Я приготовила обед. Накрою на стол.

– Хорошо. Спасибо.

Встаю перед зеркалом в ванной и рассматриваю опухшее лицо. Узкие глаза, под которыми висят мешки размером с мой кулак.

– Какой ужас.

Умываюсь холодной водой и выхожу к свекрови.

Она торопливо все расставляет и желает приятного аппетита сев напротив, а я все думаю, когда она маску скинет.

– Вы так и будете делать вид, что все хорошо между нами? – задаю вопрос убирая за собой посуду поев.

– Майя, я понимаю тебя. Но я не такой монстр, как ты думаешь.

– Правда? А то, я уж чуть было не решила, что мне показалось, будто вы восемь лет меня презираете и пытаетесь развести с сыном.

– Я желаю ему счастья.

– И полагаете, что, расставшись со мной, той которую он любит, он вдруг станет счастливым? – вопрос слетает с губ, а смысл бьет под дых.

Он мне изменил этой ночью. О какой любви может идти речь, Майя?

Усмехаюсь на сказанную мной глупость и отвернувшись принимаюсь за грязные тарелки.

– Илья, любит тебя.

– Правда? Как давно вы это поняли, Антонина Степановна?

– Майя, ты не понимаешь.

– Вот тут вы правы. Я вас не понимаю. И никогда не пойму. Чтобы своему сыну и его жене делать такие подлости для счастья. Лихо вы.

– Я знаю одно, он бы не поступил так ни с тобой, ни с другой женщиной.

– Я так и подумала, увидев его в постели с той девкой. И стойте, вы, кажется, должны ловить шанс выпавший и рассорить нас окончательно. Привести подходящую невесту в дом и сыграть желанную свадьбу сыночку. Что же вы его теряете, пытаетесь оправдать Илью?

– Потому что я знаю своего сына. Он бы так не поступил. Не знаю, что там у вас произошло, но Илья...

– Самое парадоксальное, что я считала так же, Антонина Степановна. Но мои глаза видели то, что видели.

– У него есть пример.

– Кто же?

– Его отец.

– Что? Вы смеетесь? Отец?

– Почему ты так реагируешь? Его отец был...

– «Козлом и ублюдком, которого ненавидел Илья». Если что это цитата и она не моя.

– Он не мог такого сказать.

– Мог поверьте. Они оба скрывали от вас свои отношения. Отец считал Илью слабаком, поднимал руку и всячески унижал, пока он не научился давать отпор. А вы ставили на пьедестал этого тирана. Поэтому лучше не говорите о его отце в ключе примера для подражания.

– Быть этого не может.

– Очень даже могло. И было. А вы этого даже не замечали. Вытираю руки и ухожу с кухни.

– Вам просто нужно поговорить, – останавливает све-

кровь.

– Конечно поговорим. Но потом. Мне нужно разобраться со своим здоровьем для начала.

Вхожу в комнату и первым делом ставлю напоминание в телефоне на следующий четверг. Врач сказала прийти на повторное УЗИ.

Глава 6

До самого вечера время ползет то склизкой улиткой, то, как скоростной сапсан. Моментами. Когда я задумчиво раскладываю жизнь по полочкам, или просто не знаю куда себя деть.

Сейчас стоит решать вопросы о дальнейшем, но как это делать? Составить план? И из чего он будет состоять? Разговор с Ильей, дальше уже по факту? Так будет правильно?

Но с другой стороны, что от этого зависит? Он скажет, что невиновен и я вернусь? Сомнительно.

Но поговорить стоит. Только где бы смелости набраться для этого? Рассказать, где я была той ночью. Ощутить его раскаяние, которое станет растекаться по нам обоим жидкой сталью, сдирая с нас кожу живьем. Ведь мне было так же плохо раз за разом звонить и не дозвониться.

Разбита в дребезги. Сил нет. Хочу просто спать и не шевелиться. Впрочем, это я и делаю, перевернувшись на бок. Сонливость сплошная одолевает. Еще и потеря малыша. Почему все так? Почему в одну кучу свалилось? Так ждали и не дождались.

Сплю пару часов и встаю, когда за окном начинается темнеть.

Тело такое уставшее.

Выхожу и встречаю свекровь за чтением.

– Выспалась?

– Да, но ощущение, что глаз не смыкала.

Она складывает руки и мечет глазами.

– В чем дело?

– Илья звонил. Хочет заехать после работы.

– Не стоит это делать сегодня. Я не отказываюсь от разговора с ним, просто сейчас не готова.

– Ты не отвечала. Хотя я и сказала, что ты спишь. Он чувствует свою вину.

– Было бы странно, если ее не было.

– Не стоит тебе рубить с плеча.

– Ну а вы, Антонина Степановна. Как бы поступили вы? – складываю руки на груди и жду ее ответ.

– Я бы... – она задумчиво смотрит на старинный сервант, который напоминает эпоху моей бабушки. Такими были обставлены дома и квартиры раньше повсюду. Сейчас же подобные вещи лишь у некоторых можно встретить. – Я бы сказала ему, что люблю, но быть с ним не могу и не буду. Забрала бы сына и уехала к матери. Он приехал бы за мной через время, сказав, что ошибся. Дает свое офицерское слово, что такого не повторится никогда. Мама настаивала бы на прощении мужа. Не лишать сына отца. И я вернулась... бы...

Я долго молчала.

Мне пришлось поразмыслить над тем, что она сказала. И если честно, я в край запуталась.

Она стала совсем нелогичной в моих глазах. Хотя любви для себя я от нее не ждала ни в каком виде. Однако это шло вразрез с тем, что я слышала и тем, что было между мной и ею за эти годы.

– А Илья я так понимаю не знает об этом?

– Конечно нет. Ему было два года. Мне казалось, что Прохор стал для него примером во всем, Майя.

– Вам показалось. Я не понимаю вас, Антонина Степановна.

– Меня учили с детства, что женщина – это дом. Основа. Опора. Чистота внутри. Она обязана прощать, мириться со всем. Это странно, но я считаю так и по сей день. Даже когда все выглядело абсурдно и неправильно, я находила причины и переворачивала все в своем сознании. Ты была неправильной. Место, где выросла, твоя прошлая жизнь, родители.

– Тогда почему сейчас я здесь?

– Все мы теряли Майю. Самое страшное остаться один на один с потерей, – отложила книгу и ушла из гостиной.

Не стала ходить за свекровью. То, что она мне поведала открыло ее с другой стороны, той о существовании которой я даже не догадывалась. К чему эта броня была, я все же не поняла.

Прошла к балкону и выйдя на него вдохнула аромат лета и заката, который красивым оранжевым покрывалом стелился по небу.

Прислушалась к своему телу и поняла, что живот не бо-

лит, спину не ломит. А вчера было больно ужасно. Хорошо, что кровотечение не повторялось больше, а наоборот прекратилось совсем.

Еще недолго стояла, смотря на птиц, прислушиваясь к шуму двора и ощутила жуткую тоску. Потерянность. Последнее время я нахожусь в этом состоянии, но сейчас очень явным было именно одиночество.

Даже не знаю, что буду делать дальше. Потому что и здесь оставаться не могу.

Опустила устало голову и увидела идущего к подъезду Илью, который плелся так будто вся тяжесть мира и его гнев лежал на его плечах. Глаза защипало от слез, а в носу закололо неприятно.

Опять слезы.

Чувствую усталость. И это состояние начинает угнетать, словно забирая в толщу тоски и безысходности.

Подъездная дверь стукнула громко пропищав, а через пару минут в дверь квартиры позвонили.

Затаила дыхание, но набраться смелости и выйти не смогла. Слишком явной была картинка этого утра и боль ночи, которую я поделила с самой собой, потому что ему было не до этого к сожалению. И что самое отвратительное, что он привел ее в нашу квартиру.

А если бы я была дома? Ведь он не знал где я нахожусь.

Что было бы тогда?

Илья

Полдня работал. Дела валились как снег этой зимой. Только и успевал раскидывать их на сотрудников и открывать новые. Одновременно с этим просматривал камеры с дома. Чтобы девчонки лицо уже можно было иметь на руках.

Самое забавное, что она типажом Майи. Хотя лицо ее я даже не рассмотрел даже.

Вход в систему видеонаблюдения был у меня под рукой. И первое что обнаружилось – сбой камер в первом часу ночи.

Фиксирую время и благо не выключаю запись. Потому что после того сбоя появился и я.

– Твою ж сука...

На видео я и она. Картинка не четкая. Но понять, что я лезу в ее рот языком, могу легко. Не говоря уже про руки, которые я не на талии ее держу.

Держусь кое-как, но упрямо иду и вхожу в подъезд. Дальше снова короткий сбой записи.

Поверить в то, что увидел своими глазами, удастся с трудом. В голове пока что ничего не проясняется. Туман, который был в баре, пока что преобладает.

Лицо ее ловлю мельком и этого мало. Но зато номер машины такси четко отпечатался.

Пробиваю машину, и через час у меня есть название компании такси.

– Такси «Пятерочка», здравствуйте.

– Здравствуйте. Начальник следственного отдела, майор Островской. У меня есть вопрос по одной из ваших машин и ее маршрут.

Девушка сначала теряется, потом просит минуту ожидания и после соглашается ответить на вопросы.

– Прошу вас уточнить машину, дату и время, а я посмотрю в базе заказов.

Называю ей примерное время и номер машины. Она снова включает какого-то Шопена, а после говорит то, к чему, в общем-то, я был готов.

– Простите, но в базе заказ не значится в это время.

– Тогда могу я узнать данные водителя, чтобы узнать у него, кого и куда он отвозил в этом промежутке.

Записываю на листок и отключаюсь. Чувствую, как меня начинает мутить, и думаю, что стоило согласиться на капельницу. Видимо, дряни во мне до хрена, которая долго будет выходить из организма.

Пару раз звоню жене, но она не отвечает ни на звонки, ни на смс.

Размышляю о нас с ней и пытаюсь уловить моменты, отыскать что-то, что подскажет, где и в какой час все пошло не так. Почему она стала такой нервной, почему перестала быть терпеливой. Почему изменилась? Или изменился я?

В отделе непривычная тишина сегодня. На вызовах только пара человек, насколько я знаю. Прохожусь по кабинетам и заглядываю в каждый.

Судя по реакции только те, кого вписал в бумажку Макс, отреагировали на мое появление не так, как остальные.

Уезжаю чуть раньше с работы и напрямиком к таксисту, у которого был сегодня выходной.

Долго разговаривать, в общем-то, не было смысла. Он сразу рассказал, кто остановил и откуда вез.

– Девушка ваша меня остановила. У бара одного на Комсомольской. Если честно, везти вас не хотел.

– Это еще почему?

– Состояние было не очень трезвым. А мне кататься по химчисткам невыгодно.

– Дальше что?

– Ничего. Отвез, бабки взял и поехал дальше.

– Возле бара был кто-то еще? Может, мы с кем-то стояли до того, как к вам подойти.

– Слушайте, я не смотрел кто там и что. Вы меня в чем-то подозреваете?

– Если бы подозревал, вы об этом узнали. Всего доброго и спасибо за информацию.

Сел в машину, и маршрут к бару выстроился сам. Только, скорее всего, я там мало что найду.

Последний мой взгляд на часы был в десять. Дома я очутился почти в два. Сорок минут на поездку в такси судя по словам водителя, а значит, почти три часа я был в баре?

Бред какой-то.

Закрываю глаза и вспоминаю Майю.

Черт побери. Как мне все это исправлять? Понятия не имею. Только бы не уезжала никуда. Быстро разберусь с этой дрянью и, надеюсь, то, что в итоге узнаю, поможет мне в том, чтобы вернуть жену и ее доверие.

Лоханулся я знатно, конечно. И даже поверить не могу, что к этому все пришло. Еще вопрос, где была она.

В голову со стуком влетает мысль. Неужели я пришел с этой шалавой и ее выгнал?

– Только бы не это.

Аж со свистом срываюсь с места, до того противно стало от моего вероятного поступка. Иначе я просто не знаю, как так вышло, что Майя провела ночь вне квартиры и вернулась с моей матерью.

Приезжаю и сразу иду к ней.

Не хочу и не могу ждать.

Пусть и без ответов на ее вероятные вопросы, но извиниться снова, я просто обязан. Если все так было, как я думаю, то я сам себе этого не прощу.

Мама открывает дверь, и я сразу натыкаюсь на стену.

Впервые она так сильно на стороне моей жены, и я даже рад этому. Меня не за что погладить по голове, поэтому я хочу, чтобы Майя знала, что мама ее поддерживает. Что она не одна. Пусть и не со мной... пока что.

– Илья, ну почему не слышишь?

– Мама, я хочу узнать, как она.

– Я могу ответить: Майе плохо.

– Мам, – провожу по волосам рукой и оставляю ее за шейю, которую мну ладонью, – просто дай мне увидеть свою жену. Если она не захочет со мной говорить, она не будет этого делать, и я уйду.

– Сынок, я понимаю, что ты хочешь все исправить. Но делай это не сегодня.

– Ты можешь хоть раз, – повышаю голос и тут вижу ее.

Стоит, чуть прислонившись к стене коридора, и смотрит на меня. Могу по пальцам пересчитать, сколько раз я видел этот взгляд. Он говорит мне о том какой я мудака.

– Малыш... – зову ее и вижу, как она ниже опускает голову, пряча лицо в волосах... плачет.

Мама быстро уходит, оставив нас наедине, а мне до того стыдно, что даже порог переступить не могу.

Глава 7

Делаю шаг в ее направлении и, встав рядом, не могу приблизиться. Она выставляет руку и упирается ладонью в мой живот.

– Прошу... – умоляюще произносит, и я останавливаюсь, но назад не отхожу. Хочу, чтобы это касание длилось дольше, но Майя опускает свою руку, прислонившись одним плечом о стену.

– Хорошо, прости.

Молчим.

Она смотрит куда-то мне в шею, не поднимая выше глаз, а я сканирую ее. Хочу взять ее на руки и унести обратно домой. Чтобы рядом была. Сказать, что люблю и больше не стану ею пренебрегать. Да только проблема теперь больше не в том, что было. Проблема в том, что я в ее глазах предатель и изменщик. А я пока что и сам не знаю, как к себе относиться, потому что ничего не выяснил толком.

– Как ты? – единственное, что приходит в голову для начала разговора.

Она пожимает плечами, а после хрипло отвечает:

– Нормально... наверное. Не знаю.

– У тебя болезненный вид. Как ты себя чувствуешь?

– Я... Иль, – поднимает глаза и смотрит ими, обжигая до

самого желудка. Там такой комок всего, что я теряюсь.

– Малыш, прошу, скажи, что с тобой случилось? Укажи пальцем на того, кто мог тебя обидеть... Черт, я не знаю, что мне думать, понимаешь? Тебя не было всю ночь? Если это я, когда был пьяный, то...

– Я провела ночь в больнице, – отвечает и ее лицо искажает плач, который она подавляет, но у нее это плохо получается. Подбородок трясется, а глаза краснеют от нахлынувших слез.

– В... больнице? Почему? Что произошло?

У самого голос теряется, потому что страшно оттого, что она может сказать.

– Я звонила и звонила тебе... – стирает со щек соленые дорожки и продолжает: – У меня кровотечение было, Иль... Я ребенка потеряла ночью.

Начинает рыдать, опустившись на корточки, а я как стоял, так и стою. Не живой, никакой.

Ребенка потеряла... Она... Мы...

Кулаки сжимаю, а бить хочется не в стену, а себе в морду. Сильно бить. Ее плохое самочувствие, которое я принял за каприз и нежелание идти со мной.

Твою мать... твою...

Я не знаю, что сказать. Точнее, слов много, но какие из них подойдут? Какие произнести, чтобы она поняла, как сильно мне жаль. За то, что было ночью и до нее.

– Малышка моя, – опускаюсь рядом на колени и обхватываю

ваю ее своими руками. – Прости... Прости, Май...

Она не напрягается, не отталкивает. Она просто плачет и позволяет быть с ней рядом сейчас.

Изнутри словно извержение, поднимается ярость. Злость на себя и тех, кто пытается меня таким образом подставить. Не понимаю замыслов, да и сейчас они меня не интересуют. В это вплели мою жену. Хочу поотрывать головы, но ответственности с себя снимать не буду. Виноват. Да, я виноват.

Она постепенно приходит в себя и аккуратно высвобождается из моих объятий. Сидим оба на полу. Плечом к плечу и молчим.

Майя периодически шмыгает носом и стирает влагу с лица, а я просто смотрю на нее, облокотившись на свои поджатые колени.

– Родная... – пытаюсь начать хоть что-то говорить, но кроме слов сожалений из меня сейчас ничего не выйдет, наверное. – Я очень виноват перед тобой, Май.

Малышка молчит и, кажется, снова начинает плакать.

Черт возьми, ну что мне делать?

– Только не плачь...

– Не могу, Иль, – перебивает, видимо срываясь. – Я только и делаю, что плачу. Мне изменил муж, я потеряла долгожданного ребенка. Как видишь, для радости, повода мало.

– Я не... Май. Все не так.

Что еще я мог сказать сейчас, если сам не разобрался во всем? Что, если я ей изменил? Будет ли достаточно для смяг-

чения вины, что я был не в себе?

Сомнительно. Плохая идея прийти сейчас, но иначе я тоже не мог поступить.

– Мы не в дешевом фильме. Я думала, что ты хотя бы отпираться не будешь, тем более, когда я видела все своими глазами.

Резко выдыхаю, потому что она права. Но начинаю злиться оттого, что бессилён сейчас что-то доказать.

– Майя, я с этим всем пытаюсь разобраться, понимаешь? – встаю на ноги.

– Разобраться? Вот как? – она поднимается, встает чуть дальше от меня. – Что ж, разбирайся, – говорит каким-то иным голосом, интонация которого мне знакома, хоть и слышал редко. – За вещами приду через несколько дней, как найду квартиру для съема, остальное... полагаю...

– Какая квартира? – делаю шаг к ней и хватаю за предплечья. Хочется ее встряхнуть. Сказать, чтобы одумалась. Но в ее глазах и голове все выглядит иначе, а я сейчас как псих.

Отпускаю и уже почти бью по стене кулаком, как она вдруг срывается и убегает.

– Блин... – скидываю обувь и иду за ней.

Но Майя зачем-то в ванную бежит и хлопает дверью перед носом.

Та защелкивается и не открывается.

– Опять замок. Мама, дай отвертку, пока я не выбил эту долбанную дверь.

– А что...

И тут мы оба слышим, как жену тошнит.

– Мама быстрее. Где инструменты лежат?

– На балконе.

Справляюсь быстро, а войдя вижу ее на полу, возле унитаза.

– Малыш... – подхожу, но она не позволяет, выставив руку.

– Илья, без вопросов только. Ступай, – мама берет под руку и выводит оттуда.

– Я не уйду сейчас. Ей плохо.

– Нет, уходи. Твоя помощь мне не нужна, – слышу ее слова и смотрю на маму, которая кивает тихо и ведет на выход.

– Позаботься о ней. Я сейчас за... Что купить нужно?

– То, что она любит, купи. Продукты у меня есть. И вещей принеси. Ей переодеться даже не во что.

Уже почти выхожу из квартиры, но так не хочу с ней разлучаться.

– Илюша, ступай, сынок.

– Не могу, ма.

Она гладит по плечу меня, а я думаю только о жене.

– Ты сейчас сделаешь только хуже.

– Меня подставили по полной. Я даже не знаю, чем все обернется, понимаешь.

– Что это значит?

– Если бы я только знал, то все рассказал бы ей сейчас.

– Значит, ты и правда не изменял Майе?

– И на этот вопрос ответа нет. Я эту ночь даже не помню.

– Сынок...

– Не говори ей ничего. Я сам.

– Конечно, как скажешь.

– Скоро приду снова. Вещи оставлю тут в коридоре.

– Хорошо.

В квартире даже находиться не хотелось. В спальню входить тем более. Но я быстро собрал разные вещи для жены, что вспомнил и посчитал нужным, зашел в супермаркет недалеко от дома и отнес все к матери. Оставил и тихо ушел, потому что там была обманчивая тишина.

Сел в машину последний раз, заглянув в окна, где сейчас моя малышка и так надеялся, что в данную секунду она не размышляет о чем-то невозвратном для нас. Пусть подождет немного. Я же все смогу объяснить. А там, надеюсь, что смогу заслужить снова ее доверие и ее любовь.

Завожу двигатель и еду в тот самый бар, где все началось.

Майя

Больно и невыносимо быть с ним рядом, когда все рушится. Мне и раньше тяжело давались наши перепалки. Сейчас же все шло с размахом мирового масштаба. И это был наш мир. Именно он разрушался в наших руках. Пока мы отчаянно пытались его держать, не уронить. Но не вышло.

Илья изменился, а я... Что со мной?

Нетерпимость сплошная, нервы... Ах да. Я ведь ждала ре-бенка.

Видимо, организм еще ничего не понял. Но состояние до невозможности отвратительное.

Не знаю, что он там решает, но ждать не буду.

Все факты налицо. О чем еще здесь говорить? Он сделал то, что больней всего принять. Точнее, то, что не принять в отношениях, семье. Хватит. Пора смириться с тем, что есть. Только как это сделать, если жжет внутри? Пылает так, что дышать больно становится.

Выхожу из ванной и вновь ложусь в постель.

– Майя, можно? – слышу голос свекрови за дверью.

– Да, Антонина Степановна, входите.

Облокачиваюсь на спинку кровати, а у самой глаза закрываются.

– Тебе нужно поесть.

– Спасибо за вашу заботу, но я что-то не голодна. Может быть, потом. Полежу немного.

Жду, что она уйдет, но мама Ильи проходить дальше и садится в кресло.

– Я должна извиниться перед тобой, – с налетом грусти начинает.

– Не стоит. Это лишнее, поверьте.

– Я знаю, что наши с тобой отношения далеки от даже просто нормальных. Но я обещаю постараться изменить свое

отношение.

– А смысл? – реально не понимаю, к чему сейчас все это налаживание контактов. – Неужели вы не видите, что происходит? Я не вы, простите. Вернуться к Илье я не смогу после всего, что там случилось.

– Знаешь, Майя, – шумно вздыхает. – Порой даже явное, может оказаться ложью или подменой. На то, чтобы уйти у тебя всегда будет время. Мой сын может не идеал, но мужчина достойный.

– Я бы так хотела продолжить с вами беседу. Попытаться среди этой правды об Илье, вставить свои несколько слов о нем, но я без сил. Физических и моральных одновременно, Антонина Степановна. Я дезориентирована и не знаю даже, что будет завтра. Поэтому я прошу вас дать мне хотя бы эту ночь на то, чтобы я немного подумала.

– Разумеется, – встает и подходит к двери. – Не хочу, чтобы ты сожалела о том, что поспешно ушла, не услышав своего мужа.

Остаюсь одна в глухой тишине, которой не чувствую ничего, кроме потерянности. Скручиваюсь в клубок и по привычке жду, что меня погладят его заботливые руки. Он спросит, чем может помочь, а я скажу, что мне нужно только одно... его объятия.

Слезы стекают на подушку. Глаза опухают от такого количества «воды», но остановиться не могу. Я впервые балансирую на грани. Мне кажется, так страшно не было даже в мои

двадцать с небольшим, когда чуть не попала в рабство.

Зачем же так сильно я его любила? Потому и больно так, что, кажется, будто я вся исполосована ранами этого предательства.

Даю себе эту ночь на страдания. Не более. Пусть и догадываюсь, что подобное не пройдет так быстро. Даже не представляю, сколько времени мне понадобится забыть.

Засыпаю с большим трудом, и эта суетливая ночь лишь начало моих одиноких ночей без него. Знаю... Чувствую это всем своим раненым сердцем.

Илья

Приезжаю к бару. Какое-то время смотрю по сторонам. Пытаюсь нарыть в памяти что-то, но ничего не выходит. Кулаки непроизвольно сжимаются. Держать себя в руках удается с трудом.

Не представляю, что сделаю с теми, кто в этом замешан, после того как узнаю, зачем все это было нужно. Пусть в голове уже и появились догадки.

Вхожу внутрь, сразу же направляюсь к барной стойке.

– Добрый вечер, чего желаете?

– Добрый. Начальника вашего.

– А вам зачем? У вас какие-то претензии?

– Какие-то имеются. Либо проведи к нему, либо его сюда доставь.

– Простите, но...

– Начальник следственного комитета его ждет, так и передай.

Парень недолго сомневается, но все же уходит. А через пару минут ко мне приближается невысокий мужик чуть старше меня.

– Добрый вечер? Чем обязан?

– И вам. В тишине поговорить, можем?

– Разумеется. Идемте в кабинет.

Садимся по разные стороны, его стола и я сразу перехожу к сути.

– Мне нужны видео с камер наблюдения за прошедшую ночь. Временной промежуток с восьми вечера и до трех ночи.

– Стойте, стойте. Вы кто?

Достаю свое удостоверение и даю ему понять, что перед ним не фальшивка.

– А ордер или что там обычно предъявляют? Я не могу взять и просто отдать вам записи. С какой стати?

– Завтра утром я получу на руки анализ крови веществ, которые мне в вашем баре подмешали в выпивку. И после этого я приду сюда не для того, чтобы смотреть камеры. Я закрою к черту эту дыру и не позволю ей открыться, пока не закончится следствие. И да, если подтвердится, что ваш сотрудник причастен ко всему произошедшему, можете смело искать себя в других сферах предпринимательства. Так как

бара лишитесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.